Глава 116: Цилан, пронзи меня мечом!

Он схватился за грудь и глубоко вздохнул.

Затем медленно поднял голову.

В утреннем свете он смотрел на него чарующе ясными глазами. Его взгляд был особенно мрачным и безучастным, несмотря на то что глаза были прозрачного оттенка зеленой бирюзы.

Его странный взгляд заставил Ван Хуна наклонить голову так, что волосы упали ему на лицо.

— В чем дело, цинцин?

Рот Чэнь Жуна открылся только для того, чтобы снова закрыться. Он смотрел на него с сияющей улыбкой, одновременно детской и искренней.

—Небеса дразнят меня, я уверен. Я не думаю, что когда-нибудь найду счастье в этой жизни. - он печально и безнадежно покачал головой.

Ван Хун поднял голову. Его правая рука непроизвольно уперлась в сиденье, когда он ловко сел.

— Что ты имеешь в виду, А Жун? — он уставился на Чэнь Жуна с мимолетной улыбкой.

Чэнь Жун посмотрел на него с жаром в глазах. Тот пыл, с которым кто-то мог бы запечатлеть другого в своем сердце. Он получал удовлетворение, просто глядя на него; он становился наполненным любовью, просто находясь рядом с ним.

Он был одурманен, но только улыбнулся:

— Ничего.

Ван Хун продолжал его изучать.

Он должен знать, что имел в виду Чэнь Жун, каким бы умным тот ни был. Он словно говорил ему, что даже если он любит его всей душой, даже если он безумно влюблен в него, он достаточно трезв, чтобы знать, что предмет любви вне его досягаемости, поскольку он никогда не заполучит его...

Они никогда не будут вместе, и поэтому он никогда не обретет счастья.Демоны побери, Ван Цилан затратил немало сил на то, чтобы воздействовать на омегу , и при том, что он

закворожен, его сознание все одно отрицает возможность принадлежности ему.

Как может существовать омега, подобный ему? Такой юный и страстный, но всегда обладающий самообладанием мудреца, утонченностью и даже жадностью познания. Невероятно одаренный Небом, как вроде это самое Небо в исступлении целовало этого младенца во все места при рождении, лаская его и балуя подобно матери своего молочного первенца.

Как он мог размышлять с такой ужасающей трезвостью, пока столь явно взволнован чувствами?

Ван Хун чуть улыбнулся. Даже он, которому все было предоставлено сразу после того как жрец храма подтвердил его статус, не имел и половины талантов этого мальчика. Которому точно никто не помогал так, как ему. Более того, свой дар этот мальчик держит в глубокой тайне, что выгодно Цилану. Впрочем, в итоге тот определенно имеет большую недооценку самого себя. А потому следует разобраться с этим до того, как мальчик попадет в руки знающих людей или в столицу. Местных знактоков он смог урезонить, а вот столица… там за всем не уследишь – а потому следовало поспешить.

Он опустил взгляд и прислонился к левой стене повозки, его темные волосы рассыпались по безупречному одеянию.

Он грелся на утреннем солнце и легком ветерке. Позади него только гора, которая не могла быть более обычной; он просто сидел в конной повозке; и все же он оставался таким же уравновешенным и утонченным, как и в сверкающем дворе императора. Омеги действительно были избранными силой, охраняемые ею для своих особых целей. Каждый из них появлялся с огромным трудом и каждый был уникально одарен – или, как было принято говорить: «поцелован Небом».

Его тонкая и светлая рука медленно погладила сосуд с вином на столе, в то время как он неторопливо сказал Чэнь Жуну:

— Ты пытаешься сказать мне, что как только мы вернемся в Нань’ян, ты вернешься к себе, а я вернусь к себе? То, что здесь произошло, не более чем сон?

Он говорил медленно, и его голос был успокаивающим и приятным, когда он смотрел на него.

По какой-то причине сердце Чэнь Жуна сжалось, увидев Ван Хуна таким.

Он посмотрел вниз, и в этот момент Ван Хун положил свою руку на его.

Его пальцы нежно коснулись его ладони, лакая кожу.

Мгновенно, ошеломляющее ощущение заставило сердце Чэнь Жуна затрепетать.

Но Ван Хун всего лишь взял фрукт из его руки.

Он поиграл с ним на ладони, не особо обращая внимания на то, что это такое. Да он и не задавался целью знать все эти растения, ему не было нужды заниматься алхимией. Свой уровень он культивировал только медитацией и взаимодействием с «кораллом» - одним из сокровищ рода Ван. У них был свой источник, и каждая ветвь имела свой коралл. А он свой личный - как одаренный омега и наследник рода прямой линии. Род возлагал на него слишком много надежд. Которые с некоторых пор связаны еще и с троном.

Княжеский род Ван из Лан'Я до объединения в империю был королевским. То что к власти пришел род Сыма – зависело от того что у них было больше магов, чем у других коровских родов. И даже был омега-хранитель рода, что говорило об особом благоволении небес этому роду. Но сегодня это не так. И главное, что у рода Сыма сейчас нет омеги-хранителя. Подобное могло трактоваться как немилость Неба.

А вот у рода Ван были и маги, и омега – он.

Однако принц Сыма Мо намекнул ему, что не стоит спешить…

Принц был прожженным царедворцем, обладающим огромными знаниями в магической сфере, Цилан даже подозревал, что куда большими, чем показывал ему, но у принца был свой интерес… Нынешний молодой император, его воспитанник , магом не был, как и его отец.

Магом был его дед, отец принца НаньНьяна и прежнего императора, хотя странно, что именно тот пришел к власти, по традиции императором мог быть только одаренный. Эти императоры-маги из рода Сыма так и не достигли в своей культивации бессмертия – это было непросто, однако и не столь уж ужасно, никто не говорил, что появление бессмертного императора согласно предсказанию, состоится завтра, потенциал императоров прошлого был достаточно велик, родовые техники культивирования Сыма совершенствовались… но вдруг все завершилось взошествием на престол неодаренного в результате дворцовых интриг.

Поэтому многие аристократы, включая принца Нань ньяна, винили прежнего императора за узурпацию трона. Это, вероятно и привело к нынешнему ослаблению власти и итоговой войне с Ху. Король ху - Ши, отказался приносить кровную клятву неодаренному, став из свободного князя вновь королем. Это было первой ласточкой нынешнего положения. По сути, именно род короля ху Ши – не дай небо, главный претендент на престол по числу магов в клане. Но клан Ши идет демоническим путем культивации. В их клане маги-демоны и нелюди, такие как демоны- оборотни разных видов и даже нежить. Практикуются человеческие жертвоприношения и еще многое… о чем обычные люди даже боятся упоминать.

Хотя ученый Сунь из Пинга, кстати, учитель Чэнь Жуна, по его словам, изучавший историю и традиции ху, как-то вскользь бросил, что все не так просто…

Нынешняя дворцовая ситуция не проста и крайне зыбка. От начала выборов нового императорского рода свободных князей удерживало только то, что коронованный император

Сыма, возможно еще жив, хоть и находится в плену Ху в Ло Яне. А значит, принесенные ему кровные клятвы принцами и князьями - действуют. Никто не хочет нарваться на магический откат. Но все готовятся.

Ритуалами Ван Хун занялся только с подачи Принца Сыма Мо – владетеля Нань Ньяна. И только потому, что жаждал прибрать Чэнь Жуна. Принуждать омег было категорически нельзя. Только убеждать, соблазнять, подкупать…

— Временами ты можешь быть бессердечным,— сказал он довольно беззаботно юноше. Ни одна из его многочисленных мыслей даже не скользнула по лицу омеги в силе.

Чэнь Жун склонил голову и спокойно объяснил:

— Жизнь дается нелегко. Если мы будем продолжать просить о вещах, которые не принадлежат нам, это приведет к нашей гибели.

Ван Хун улыбнулся, его голос был легким и холодным:

— В таком случае, почему ты наклонился ко мне так близко?— Он взял дикий плод голубики, играя им в ладони, все время слегка улыбаясь:— Если люди увидят нас, не подумают ли они, что мы занимаемся какими-то грязными делами?

Он использовал "грязный", термин, который обычно использовался для описания прелюбодеев, это было вульгарно и всегда подразумевалось как оскорбление.

Благородный и незапятнанный Ван Цилан использовал на нем такое слово!

Лицо Чэнь Жуна побледнело, когда он опустил голову и сказал:

— Это чудесная вещь - быть рядом с тобой… теперь я знаю, каково это — не в состоянии сдерживать свои чувства.— Конечно, это была ложь. В своей прошлой жизни он знал, каково это быть не в состоянии сдерживать свои чувства, он знал, что не может отпустить.

Ван Хун медленно поднял на него глаза, поглядев на его прекрасное лицо, остававшееся потрясающе изысканным даже после вчерашнего шока и умывания только водой, пылающие щеки, небесные глаза и красивые брови.

— Иди сюда, — позвал он, протягивая руку.

Чэнь Жун ошеломленно поднял голову и подошел к нему.

Он вложил свою руку в его.

Ван Хун сжал свою руку.

Правой рукой он держал его вздрагивающую левую руку, а левой обхватил за талию, притягивая ближе.

Чэнь Жун не сопротивлялся его ласке. Он даже прижался к нему, не в силах сдержать дрожь в его объятиях.

Ван Хун нежно и сильно обнял его.

Он погладил его по длинным темным распущенным волосам и мягко спросил:

— Была ли прошлая ночь ужасной?

Только когда он спросил, Чэнь Жун вспомнил, что у него все еще имелось множество вопросов без ответа. Он закрыл глаза, лицо его покраснело от вина, и пробормотал:

— Несомненно, да. Я думал, что за мной пришла судьба.

— Судьба? — прошептал Ван Хун.

— Это действительно судьба.

Они оба понимали, что он имел в виду.

Чэнь Жун неподвижно лежал в его руках, лицом к его ключице, его ароматное дыхание и флер вновь смешивались с флером и дыханием Цилана.

Вдыхая свежий аромат и наслаждаясь теплом, исходящим от молодого мужчины, Чэнь Жун внезапно окликнул:

— Цилан.

— Хмм?

— Ты привел кого-нибудь с собой? Позови кого-нибудь и скажи, чтобы он убил меня.

Ван Хун пристально на него посмотрел. Этот омега решительно был загадкой.

Его глаза все еще были закрыты, а уголки рта растянулись в улыбке, но его голос оставался

стоическим, когда он пробормотал:

— Просто ударь меня сзади. Не забудь пронзить мечом мое сердце, чтобы моя смерть была быстрой. Но не вытаскивай клинок слишком быстро, иначе моя кровь запятнает твою белую одежду; это было бы не очень хорошо.

Он медленно поднял голову и пристально посмотрев на него, дрожащим голосом произнес:

— Я действительно молю тебя, Цилан. Боюсь, через минуту я об этом пожалею.

В ответ Ван Хун улыбнулся. Он нежно посмотрел на него и спросил:

—Почему ты произносишь эти безумные слова?

Чэнь Жун улыбнулся. Он опустил глаза и снова упал в его объятия. Он даже вытянул руки и обнял его за талию, тихо сказав, крепко обнимая:

— Ты так умен, как ты можешь не знать, бред это или нет? Цилан, я не думаю, что в моей жизни будет более счастливый момент или момент более удовлетворительный. Если я могу умереть в самый счастливый момент, то считаю, что я все еще счастливее, чем большинство.

Ван Хун не ответил.

Он позволил ему обнять и прижаться к себе. Вот и кто кого соблазняет?

После долгого молчания он с улыбкой спросил:

— А сейчас? Ты все еще хочешь умереть?

Чэнь Жун покачал головой, и в его голосе прозвучала боль, когда он в следующий раз ответил:

— Нет, умирать — самое трудное.

Он не отпускал его.

И все еще крепко обнимал его.

Прислонившись к его объятиям и вдыхая его запах, он мягко ему сказал:

— Я действительно не хочу возвращаться в Нань’ян.— Обвив руками его шею, он озорно спросил:—Цилан, мы можем сегодня не возвращаться? Если ты проголодаешься, я соберу для тебя дикие фрукты. Если тебе захочется пить, мы можем напиться из ручья. Мы не можем вернуться завтра?

Ван Хун мягко улыбнулся.

— Если тебе так трудно отпустить меня, то почему ты должен отталкивать меня, А Жун?

На этот раз он ясно дал понять:

— Если ты любишь меня, мы можем быть вместе.

Чэнь Жун тоже улыбнулся. Он поднялся из его рук, расчесал свои длинные волосы и разгладил помятый ханьфу.

После этого он сделал шаг наружу, прежде чем обернуться и одарить его улыбкой, такой же яркой, как ночной цереус.

— Потому что я знаю себя,— начал он. — Моя жадность ненасытна, и я всегда буду хотеть большего. Как только я стану твоим наложником, я сделаю все, что в моих силах, чтобы стать почетным наложником. Кто знает, может быть, я даже решусь убить твою жену. Если бы я не смог убить ее в первый раз, я бы попробовал во второй раз, если бы я не смог убить ее во второй раз, я бы попробовал в третий раз. Пока я жив, я причиню вред всем им, твоей жене, твоим наложницам. Я причиню вред всем, кого ты приведешь в свой дом. Сколько бы их ни было, сколько бы их ни погибло.

(ночной цереус(эхиноцереус) большая разновидность кактусов, цветущих одну ночь)

Он ослепительно улыбался, но почему его слова были жестоки и холодны, и так будничны:

— Так что, если ты собираешься что-то начать, ты должен думать о женитьбе и любви только ко мне. В противном случае, твоя и моя жизнь никогда не останутся в мире.

Он повернул голову и направился вперед, его спина являлась невероятно прямой, как бамбуковый стебель.

Его фигура казалась исключительно сияющей под солнечным светом.

Ван Хун наклонил голову, позволяя волосам заслонить глаза, наблюдая, как он уходит все дальше и дальше от него.

Чэнь Жун вскоре добрался до выхода. Он выглянул наружу и спросил:

— Цилан, где твои люди? Почему они не пришли искать тебя?

Ван Хун спрыгнул с повозки и подошел к нему сзади. Он тоже выглянул наружу, а затем улыбнулся, сказав:

— Садись, я поведу. Мы вернемся к Нань’яну своими силами.— Он не объяснил Чэнь Жуну насчет слуг.

Чэнь Жун не думал слишком глубоко. Как только он услышал, что он сядет за управление, и более того ради него, его глаза резко округлились.

Зажегшись, он обернулся и радостно воскликнул:

— Ты поведешь? Сам-сам?— Его глаза изогнулись, и он разразился приступом хихиканья.- Правда-правда?

Через несколько шагов он уже находился в шицзюе.

— Хах, Ван Цилан везет меня! Ван Цилан будет моим возницей!

Его голос резко зазвенел, прозвучав очень счастливо.

Услышав его радостное восклицание, Ван Хун криво улыбнулся и направился к экипажу.

По щелчку хлыста лошадь погарцевав, выбежала наружу.

Экипаж покинул горную расселину и выехав на открытую дорогу.

Ван Хун обернулся, когда не услышал голос Чэнь Жуна.

На этот раз его изумленные глаза были также изогнуты от удовлетворения и любопытства.

Он ошеломленно посмотрел на него и несколько раз прошептал:

— Лан’я Ван Ци везет меня?

Он вроде все еще не верил своим глазам и ушам.

Никто не поверит ему, если узнает об этом. В эту эпоху аристократы ценили свое лицо гораздо больше, чем свою жизнь. Есть такая поговорка:

" Нет бедных ученых в высших чинах и нет аристократов в низших чинах."*

Неравенство между высшими и низшими классами было подобно великой галактике, которую никто не смог пересечь за тысячи лет.

И все же золотое дитя дома Ван в Лан’я добровольно предложил себя в качестве возницы для сына скромной наложницы. Даже если этого требовала ситуация, это являлось шокирующим фактом.

****

* Эта строка является производной от системы девяти рангов (□□□□□), которая отбирала и назначала должностных лиц на их должности на основе семейного положения, а не заслуг. Эта система была, в конечном счете, заменена Имперской Экспертизой (□□). Обратите внимание, что отец и брат Чэнь Жуна, вроде как по-прежнему занимают 8-й ранг, что находится на нижней ступени в девятиранговой системе.

http://tl.rulate.ru/book/1285/36166